

ЕСЛИ УТРОМ отправиться из Сухуми к Главному Кавказскому хребту и перейти Клухорский перевал, то через три-четыре часа попадешь в Карачаево-Черкесию — маленький горный край России, знаменитый ныне не столько чудесной природой, сколько людьми необычной судьбы, огромными заводами и комбинатами, тучными стадами овец и щедрыми плантациями сахарной свеклы. Многие дают сейчас стране Карачаево-Черкесская автономная область: медь и холодильные установки, свинец и цинк, мясо и высококалорийные сыры, отличные лаки и детали к новым комбайнам «Нива» и «Колос», мебель и обувь, жень-шень и низковольтную аппаратуру... А ведь всего пятьдесят лет назад основным занятием ее коренных жителей — карачаевцев, черкесов, ногойцев и абазин — было примитивное скотоводство.

Всего пятьдесят лет. Три слова, но как много вместили они!

Автограф—крестик

Я приехал в древний черкесский аул Хабез к известному сказителю Мурзабеку Ордокову. Ему — далеко за восемьдесят. И хотя он опирается на палку, старик по-кавказски строен и бодр.

— Ты — за сказками? — спросил Мурзабек Салихович и, нарушая обычай, по которому младший в присутствии старшего должен стоять, кивнул на стул возле окна: — Садись. Садись и слушай. Вот тебе сказка...

Его память хранит сотни легенд и преданий, герои которых — могучие богатыри, не знающие страха, неподвластные смерти. Время от времени дом Ордокова посещают ученые-фольклористы. С его слов они записывают песни, пословицы, сказки.

Я старательно заносил услышанное в блокнот. Прощаясь, попросил хозяина дать автограф: не всякий день встречаешься со сказителем. Мурзабек Салихович покачал головой:

— Не могу. Не обучен грамоте, сынок. Вот крестик — поставлю.

— Ставьте! — решительно согласился я. В конце концов, такое — тоже редкость.

Джамагат принимает экзамен

Сразу после установления Советской власти в горах Карачаево-Черкесии в далеком ауле Нижняя Мара появился бывший красногвардеец Иван Иванович Чапурко. Он стал здесь первым учителем.

— Дети, — спросил он мальчишек и девчонок, — кто из вас знает, что такое азбука?

Дети, недоумевая, жались друг к другу. Они знали другое — вчера эфенди обходил дворы и грозил отцам: «Аллах не простит — вы отдали своих малышей гяуру! Аллах покарает вас, нечестивцы!».

Ему было нелегко. Куляки не

чаевым. Уже давно затихли, опустели классы, а он сидел в углу, на самой последней парте, склонясь над тетрадь.

Найти Муссу мне помогла уборщица — невысокая пожилая женщина: — Батчаев? Да вы ж рядом. Открывайте дверь...

Может быть, тут просто совпадение, но именно о ней — об уборщице тете Поле писал в тот вечер Мусса, задержавшись после уроков в классе. Писал о том, что тридцать лет работает тетя Поля в аульской школе и тридцать лет старательно моет полы — доску за доской, доску за доской... Незаметное, невидное, совсем не героическое дело, но если прикинуть, — сколько же это получится квадратных метров,

МУЗЫ В ГОРАХ

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

раз и не два говорили ему: с тобой случится несчастье. Уезжай, убирайся подобру-поздорову.

Но все-таки каждое утро Чапурко начинал урок.

Однажды ночью в дом учителя ворвались бандиты, навалились на спящего, связали, повели в глухое ущелье. Однако на полпути их настиг бедняк Джагафар Малсуйгенов, преградил дорогу:

— Не дам убить Ивана. Можете застрелить меня, а он... Нашему темному аулу он нужнее, чем я...

Когда первые воспитанники Чапурко научились писать и читать, они выступили перед джамагатом — сходом аульчан со своеобразным отчетом: кто-нибудь из присутствующих открывал наугад страницу, и дети читали по очереди. Аксакалы удивленно цокали языками, поражаясь. Под конец самый старый в знак уважения протянул обе руки Чапурко и сказал:

— Ты очень мудрый человек, Иван!

Сейчас в любом ауле Карачаево-Черкесии есть школа. Есть она и в просторном селении Кумыш. В ней несколько лет назад я познакомился с молодым педагогом Муссой Бат-

квадратных километров? Почитай, весь земной шар вымыла тетя Поля, никак не меньше...

Маленькая новелла о школьной техничке стала одной из лучших в книге члена Союза писателей СССР Муссы Батчаева «Быть человеком», выпущенной в Ставропольском издательстве. Мир детей и стариков, удивительный мир горцев сегодняшнего дня вместили его прозаические и поэтические сборники на карачаевском и русском языках.

Как-то я поинтересовался, на каком языке ему легче пишется.

— Видишь ли, — ответил Мусса, — оба языка мне одинаково близки. Тебе же известно, что алфавит нам помогли создать русские ученые, письменность мы получили после революции...

В театре—преьера

В областном Драматическом театре — праздник: из Тбилиси вернулась домой группа выпускников театрального института имени Ш. Руставели. Пять лет государство обучало сценическому мастерству юношей и девушек из карачаевских и черкесских аулов. И вот они выступают перед земляками. Ка-

рачаевская национальная труппа показывает спектакль по повести А. Казбеги «Отцеубийца», черкесская — водевили А. Чехова.

В зале рядом со мной — преподаватель сельскохозяйственного техникума Борис Биджиев. Он с откровенным волнением следит за происходящим на сцене. Он знает этих ребят. Запомнил с того вечера, когда они пришли сюда на другую премьеру — шел спектакль «Повесть о матери» по пьесе Бориса Биджиева. Ему — автору было совсем не безразлично, как молодые люди, не испытавшие военных невзгод, встретят и оценят постановку.

Он внес в пьесу то, чему сам был свидетелем: гитлеровские альпийские егеря на рассвете

оккупировали аул, и тихие его улицы заполнили взрывы, выстрелы, крики раненых. Во дворе соседа у ограды упал настигнутый пулей советский солдат. «Пить, — просил он. — Пить...». Борис видел, как из дома крадучись выскользнула девушка, пригнулась у забора, а потом — хрупкая, слабая, на себе потащила солдата к крыльцу. Ведала ли она, что ждет ее? Думала ли она, сколько придется вытерпеть ей, горянке, от врагов, пронюхавших о спасенном русском.

Ее памяти посвятил Борис «Повесть о матери», и земляки с благодарностью приняли спектакль.

Помните сказителя Мурзабека Ордокова? Его многочисленные родственники и односельчане стали инженерами, агрономами, врачами, конструкторами, деятелями искусства... Потому-то и хочется закончить эти записи уже знакомой читателю фразой: всего 50 лет назад основным занятием коренных жителей Карачаево-Черкесии было примитивное скотоводство...

МУЗЫ В ГОРАХ
И. СВИДИН
Х 1 МАЯ 1972